

Людмила Брагина, Олег Роменко

ОТСЕБЯТИНА, ИЛИ «ВОЛГА» ВПАДАЕТ В БЕЛГОРОД

Среди ночи мы проснулись от серии мощных взрывов в небе, которые, как сказал поэт: «Мертвец в гробу – и тот услышит!» Уже не в первый раз, бывало и похуже, но всё же привыкнуть к этому, как и к смертям вокруг, невозможно. Как обычно в таких случаях, все кинулись к своим смартфонам. Местные телеграм-каналы молниеносно отреагировали стандартной фразой: «В небе над Белгородом громко». Через минуту неспящий Настоящий Гладков (губернатор Белгородской области) сообщил о работе ПВО. Все выдохнули – «можно выпить и стопочку, можно выпить ведро». Но мы решили что-нибудь почитать, чтобы уснуть. Зашли на литературный портал, и случайный выбор пал на украинского русскоязычного писателя Андрея Краснящих. А точнее на главу из его мемуарного романа «О себе», опубликованную в одном из номеров журнала «Волга».

Название, вобравшее в себя развернутое и исчерпывающее содержание главы, вызвало лёгкий ступор, а последовавший вполне закономерный вопрос «чего???» завершился громким и безудержным смехом. В два часа ночи. После разрывающих белгородское небо взрывов и обмирания от страха. «Волга, Волга, мать родная!» – повторяли и повторяли мы со слезами на глазах. Такое моментальное снятие стресса ни одному сертифицированному психологу и спа-массажисту даже не снилось.

Итак: «Андрей и Света едут в Белгород заняться сексом». Избранная форма глагола «едут» придаёт просто эпический масштаб повествованию, иными словами – от века и донине. Едут, короче, Андрей и Света. Пусть не на тройке с бубенцами, а на электричке. И не из Петербурга в Москву, а из Харькова в Белгород.

Но вторая часть заголовка просто феерично-прекрасна: как если бы на таможне указать в декларации цель поездки в Амстердам – «за синей школьной формой»...

Как коренные белгородцы, мы полагали, что харьковчане приезжали к нам разве что за рыбой, а конкретно за вкусным, полезным и недорогим карпом. Хотя теперь, задним числом, понимаем, что заблуждались. В восьмидесятые продовольственная программа в стране трещала по швам, а лукавые перестроечные партocrats на местах обвиняли в нехватке продовольствия соседей. Одним говорили: «Москаль зъив твоё сало», другим: «Хохол съел твоего карпа».

От предрассудков мы избавились, но как теперь уложить в привычную картину мира то обстоятельство, что в пуританские восьмидесятые, когда во всём огромном и могучем СССР секса вообще нигде не было, Белгород оказался в самом авангарде секс-туризма? Ведь даже сейчас, когда мы вошли, наконец, в так называемый цивилизованный мир, в Белгороде уже лет пять как закрылась единственная интим-аптека, потому что старшее поколение ходит по улице, как арестанты, сложив руки в замок за спиной, а молодые парочки сидят на лавочках на расстоянии аршина друг от друга, уткнувшись в свои смартфоны.

Понятно, что литератор своим кричащим заголовком хотел зацепить внимание, как минимум, читателей-белгородцев. А если не ощипывать хвост беспокойной мечте автора, то всех, у кого слово «секс» волнует кровь, туманит разум или хотя бы будит воспоминания.

И хотя А. Краснящих изучал и, кажется, даже преподавал историю классической филологии, нет в этом его литературном опусе ни милой сердцу классической простоты и чистоты языка, ни сочности и точности передачи эмоций и чувств.

Пушкинский хан Ратмир «Томится сладостным желаньем; Бродящий взор его блестит, И, полный страстным ожиданьем, Он тает сердцем, он горит».

Шолоховский казак Григорий Мелехов «Шагнул вперёд, откинув полу зипуна, прижал к себе послушную, полыхающую жаром. У неё подгибались в коленях ноги, дрожала вся, сотрясаясь, вызванивая зубами. Рывком кинул её Григорий на руки – так кидает волк к себе на хребтину зарезанную овцу...»

А вот А. Краснящих, до крайности скупко обозначив своих персонажей: «Ему было восемнадцать. Ей – двадцать два.

Его звали Андреем, её – Светой. Они ехали из Харькова в Белгород, чтобы снять в какой-нибудь, абсолютно любой, гостинице номер и заняться там сексом», подробно описывает любимые фильмы Андрея.

Американский, снятый в 1976 году «Гарри и Уолтер следуют в Нью-Йорк» – любимый фильм Андрея в двенадцать лет, в котором ему «особенно нравилось, как повисшая на пальце капля нитроглицерина, слетая, взрывает чуть ли не целую улицу домов». Не это ли яркое воспоминание из прошлого, начиная с 2014 года запускается в голове у постаревшего Андрея, жителя Харьковской области?

Впрочем, самыми любимыми у Андрея были румынские вестерны про комиссаров Миклована и Романа (предшественники Жеглова и Шарاپова), которые плечом к плечу боролись с уголовным миром и, конечно, фильмы про индейцев, с мужественным красавцем Гойко Митичем в главной роли.

«Как красиво, как пьяняще красиво и вдохновенно, словно призывая разделить с ними торжество радостной смерти над унылой бесцветной жизнью, умирали в конце каждого фильма Роман и Миклован! Как возвышенны были их падения под пулями врагов на грязный асфальт шоссе или в пропасть карьера! Как элегантно и легки были хорошо отрепетированные взмахи роняющих пистолет рук!»

А вот девушка, с которой романист отправил своего прототипа заниматься сексом в город первого салюта, не вызывает таких бурных эмоций ни у героя, ни у читателей, ни у него самого.

Она лишена внешности, характера, поступков, зачатков воли. Безликая и безжизненная Светлана из Нововолынска выписана так эскизно и отстранённо, словно это первая кустарная модель секс-кукол.

Авторские ванильные ремарки и заюзанные до чёрных дыр штампы об отношениях Андрея и Светы: «внимательно-го и заботливого такого готового на всё ради своей любви», «девушка, которую он любит больше жизни» не убеждают, ибо в назидание доверчивым девушкам «трепаться – не мешки ворочать».

Так на что же он готов в обыденной жизни ради любви? – «Снять в какой-нибудь, абсолютно любой, гостинице номер». Но этого он не сделал, даже не забронировал заранее. Спросим почему? «Пошлость», «цинизм», «расчёт» – вот какие

слова приходили на ум Андрею, когда он думал о том, что, если бы он заранее, из Харькова, заказал номер в «Белгороде» или «Дружбе».

В первой гостинице мест ожидаемо не было «вообще». Во второй были, но с нюансами: «Есть, – радостно объявил Андрей Свете, ожидавшей его на диванчике в холле. – Есть свободные места. Но шестиместные. С подселением. Зато я узнал, как добраться до кемпинга».

Внимательный читатель может задаться вопросом: почему так радуется Андрей? Потому что планировал в Белгороде заняться групповым сексом или наоборот, потому что нежеланный секс со Светой в очередной раз отодвигается?

Думается, что второе. И чтобы удостовериться в этом, наблюдаем, что творится с чувствами «влюблённого» по дороге в кемпинг: «Глядя на отвернувшуюся к окну Свету, Андрей поборолся-поборолся со своими гойко митичами и сдался на их милость».

А вот тут уже впору закупаться сигарами, вызывать дух старика Фрейда и слёзно просить разъяснить выкрутасы ранимой подростковой психики: «получалось, что гадкое и двусмысленное родилось у Андрея в голове, или даже всегда было там – на периферии, в глубине подсознания, а может, и сознания».

Когда читаешь А. Краснящих вспоминается меткая народная поговорка – «ни Богу свечка, ни чёрту кочерга». Любовь у него «попса», и «других стилей и жанров у неё не бывает», да и секс, с непрерывным шатанием в голове романов-миклованов, гойкомитичей и прочих мультяшек, тоже не ладится.

«Правда, здорово?» – спросил Андрей, когда они закрыли дверь купе, расстелили постель и наконец-то остались одни. И поцеловал Свету. «Правда», – ответила Света и поцеловала Андрея».

«Это только мужья с жёнами, так друг дружке с губ пыль обивают. Ты меня так целуй, чтоб вот с этой яблони, что над нами, молодой цвет на землю посыпался», – вот так шептала лесковская леди Макбет Мценского уезда двадцати четырёх лет от роду, «обвиваясь около любовника и целуя его с страстным увлечением».

А набившая ноги и наездившаяся на общественном транспорте, где её «швыряло и подкидывало», Света

из Нововолыньска «положила голову на плечо Андрея и закрыла глаза». Не до секса – набраться бы сил на почти двухчасовую черепашку электричку из Белгорода в Харьков.

А теперь мы попробуем самостоятельно прочитать между строк то, о чём умолчал автор, представляя своего персонажа как «яркого, красивого, интересного», о котором «легенды ходили по филфаку». Даже по тем скучным характеристикам не сложно воссоздать подлинную картину. Андрей родившийся в украинской глубинке на Полтавщине, переезжает с родителями в «первую столицу» УССР. В университете он изображает из себя «путешествующую инкогнито знатную особу». В действительности глубоко закомплексованный парубок, оказавшийся среди чуждых и непонятных ему сверстников из большого космополитичного города, пытается поднять свою самооценку, замутив отношения с девушкой из маленького шахтёрского городка, расположенного на самой границе с Польшей.

Света хочет закрепиться в Харькове. Самый короткий путь – выйти замуж за «столичную штучку». Она подталкивает Андрея к определённым действиям, но тот постоянно увильчивает, включая дурака: «Были Светино общежитие – комната с двумя соседками, Мариной и другой Светой, квартира с родителями Андрея, да и, собственно, всё, не считая аудиторий IX/40 и I/51...» Все варианты были Андреем отвергнуты, как героем легендарного советского фильма: «Я не могу работать в такой нервной обстановке!» Согласимся, что секс в аудиториях IX/40 и I/51 можно приравнять к экстриму, но чем не вариант собственная квартира, когда учёбу можно и просимулировать, а родители на работе до вечера? Или комната в общежитии – легко ведь можно было уболтать Светиных подружек пойти в кино.

Тогда Света стала настаивать – если имеющиеся варианты тебе не подходят, найди свой. Андрей и рад бы дать заднюю, да поздно. По университету разговоры нехорошие поползут, что что-то с ним не так, раз он отказывается заниматься сексом с девушкой. И тогда в голове Андрея созрел адский план. Подобно Моисею, который сорок лет водил евреев по пустыне, Андрей решил целый день промурыжить Свету в незнакомом Белгороде, чтобы выбить из её головы все мысли о сексе. И в этом он вполне преуспел. Света, как взмыленная лошадь, была рада месту в купе поезда,

стоявшего на запасных путях. Там она и капитулировала, как последний российский император, загнанный заговорщиками в тупик на станции «Дно».

Но нас беспокоит ещё одно авторское умолчание. Как коренные жители Белгорода можем уверенно сказать, что все описанные А. Краснящих скитания его героев по гостиницам нашего города заняли от силы полтора часа, а когда, они, наконец, добрались до вокзала, то «Андрей смотрел в окошко на надвигающийся вечер». Возникает резонный вопрос: чем они целый день занимались в маленьком аскетичном советском областном центре, если мы знаем, что у них с сексом не сложилось?

В конце восьмидесятых, как, собственно, и тридцать лет спустя, Белгород был мало оборудован для веселья. Конечно, Андрей и Света могли, например, отправиться на Пескарьер, любимый пляж горожан, куда от конечной троллейбусной остановки топать пешком минут сорок по сосновому лесу до «белгородского моря». Если бы они проголодались, то могли заглянуть в стильный магазин «Океан», построенный социалистическими французскими рабочими. Там, в отличие от других гастрономов, где в витринах, как в музее археологии, красовались обглоданные кости непонятных доисторических животных, можно было увидеть замороженный минтай, копчёную ставриду, живого карпа и даже прибалтийские шпроты в масле, если повезёт.

Но не будем гадать, потому что ответ лежит на поверхности, и подсказал его сам А. Краснящих. Андрей, судя по всему, очень любил смотреть кино и терпеть не мог заниматься сексом. В конце восьмидесятых в Белгороде появился авангардный по тем временам кинотеатр «Русич» с четырьмя кинозалами, игровыми автоматами и буфетом. Там он, видимо, и зависал со Светой, кочуя из зала в зал, наслаждаясь то «Апачи», то «Полётом навигатора», то «Мистером Питкиным в тылу врага»... Так и видишь, как обалдевший Андрей, с округлившимися в стереоочках глазами, наблюдает скачущего прямо на него мужественного югославского индейца с загорелым торсом и твёрдыми сосцами, к которым наш киноман мог виртуально прильнуть губами. А что же, сидевшая рядом, невезучая Света из Нововолынска? Ей оставалось только одно, как в той песенке – «Она смотрела в окно. С тобою всё решено...»

Косвенным подтверждением того, зачем на самом деле Андрей приехал в Белгород, является эпизод на вокзале. Он мог снять по дешёвке комнаты для транзитных пассажиров, но для этого нужно было купить билет на поезд дальнего следования. Такие билеты стоили порядка 10–20 рублей. Проведя ревизию своих кошельков и сумок, секс-туристы и близко не наскребли нужной суммы. И после этого Андрей будет утверждать, что он с тремя рублями в кармане приехал в Белгород заниматься сексом? Нет, он приехал кино посмотреть и ещё должен был отложить 80 копеек на харьковскую электричку.

Если бы мы были адвокатами Андрея, то могли бы в качестве обоснования причины, по которой ему было якобы отказано во всех гостиницах, привести запоздалое признание литератора Сергея Гандлевского. В своих мемуарах «В сторону Новой Зеландии» тот рассказывает, как в конце восьмидесятых выкрутил лампочку в белгородской гостинице и вернулся в Москву «добытчиком». Возможно эта лампочка и стала детонатором чрезмерной подозрительности воротил белгородского гостиничного бизнеса по отношению к странствующей молодёжи, особенно вошедшей в образ гонимых поэтов или принцев.

В конце концов, мы могли бы связать сексуальное фиаско Андрея в Белгороде с его человеческой незрелостью. Иными словами – в свои биологические 18 лет, он отстал в развитии лет на шесть, и по его восприятию жизни ему было не больше 12-ти лет. Поэтому интересовали его не девушки, а фильмы для подростков. Но всё-таки интуиция и зуб мудрости подсказывает нам, что дело тут в другом. Ведь фанатеет Андрей исключительно от brutальных мужчин, особенно от красующихся на экране топлес: «поборолся-поборолся со своими гойко митичами и сдался на их милость». «Ну, вы поняли», – как говорит в таких случаях один скандально известный телеведущий нашей современности.

И читателю совершенно излишни многочисленные костыли-спойлеры автора, любому и так ясно, как день, что будущего у Андрея со Светой не было с самого начала и не будет никогда. Как не может быть будущего и у А. Краснящих, как литератора. Ведь даже в попытке создать образ города, где происходит основное действие, автор рисует такую примитивно-трафаретную картинку, уж помолчим про достоверность, что нет никакой возможности увидеть уникальные черты

и особенности Белгорода: «Просторные светлые улицы вливались в широкий светлый проспект, по светлым просторным площадям гуляли спокойные улыбающиеся дети».

С чувством слова так же всё скромно: «По сравнению с Харьковом Белгород был мал и тих, но просторен и чист». Напоминает игру, направленную на развитие мыслительного процесса ребёнка – «Найди лишнее слово».

В одном из интервью Андрей Краснящих посетовал, что его роман «О себе» назвали сборником рассказов. Пожалуй, за такую оценку можно было бы даже поблагодарить, поскольку главу, прочитанную в самый благоприятный для неё час, иначе, чем синопсисом не назовёшь. Это краткое содержание неслучившегося рассказа.